

В карете Чжао Нань отлично выспался.

После возвращения он искупался и смыл с себя всю грязь. Теперь поел — и снова был пойман Фу Цзюэчжи и отправлен в его спальню.

Охраняющих вокруг стало очень много.

Лёжа на кровати, Чжао Нань слышал за ширмой намеренно приглушённые разговоры слуг.

Рядом сидел Фу Цзюэчжи.

В полумраке его пальцы обхватывали запястье Чжао Наня. На красные следы от верёвок он медленно наносил лекарство.

Двигался очень осторожно.

Знакомый аромат окружал Чжао Наня, и через несколько мгновений его снова начало клонить в сон.

Последние дни он почти нормально не спал.

Пусть настроение он старался сохранять хорошее, страх никуда не исчезал.

Например, постоянно приходилось думать: а вдруг Гэ Дань неожиданно передумает и одним ударом сабли его прикончит?

Чжао Нань вспомнил разговоры на складе.

Среди тех людей было немало шпионов, которые скрывались в Дачане много лет.

Они прекрасно знали оборону Цюэцзина. Иначе не смогли бы спокойно прятаться несколько дней, пока весь город прочёсывали солдаты.

А раз так, Фу Цзюэчжи наверняка их не отпустит.

Чжао Нань подумал, уткнулся лицом в подушку и тихо, глухо произнёс:

— Гэ Дань и остальные...

Пальцы, наносившие мазь, на мгновение замерли.

Фу Цзюэчжи улыбнулся, не показывая ни одной настоящей эмоции.

Он повернулся к Чжао Наню и спокойно спросил:

— Как супруг хочет с ними поступить?

Как поступить...

За последнее время произошло слишком много неприятного.

А Чжао Нань всё равно был брошенной фигурой Наньцзяна. Никакой привязанности к той стороне он не чувствовал.

Пальцы чуть согнулись.

— Главное — не дать им сбежать обратно.

Свежий ветер прошёл через занавес из бус и приподнял угол полога.

Пальцы Фу Цзюэчжи медленно провели по запястью Чжао Наня, по страшным красным полосам.

Больше он ничего не сделал.

Голос оставался мягким.

Князь наклонился ближе и произнёс почти шёпотом, как говорят супруги о домашних мелочах:

— Как скажет супруг.

Чжао Нань поднял глаза и встретился с глубокими чёрными зрачками.

В них будто пряталась буря, которую слишком долго сдерживали.

Фу Цзюэчжи улыбнулся.

— Их кости отныне останутся в Дачане.

За окном внезапно поднялся сильный ветер.

В небе раскатился гром.

После долгой засухи над Цюэцзином наконец собирался дождь.

Небо стало почти чёрным.

Тяжёлые капли ударяли по краям крыши с ровным глухим ритмом.

В закрытую дверь спальни тихо постучали.

Снаружи евнух осторожно доложил:

— Князь, господин Кун просит аудиенции.

За ширмой находилась небольшая передняя комната. Сейчас её наглухо отделяли занавеси.

Там ждали евнухи и служанки.

Лицо Фу Цзюэчжи мгновенно потемнело.

Палец тихо постучал по платку — явный признак надвигающегося гнева.

Снаружи ударил гром.

Голос Кун Чжимина из-под проливного дождя звучал отчаянно и резко:

— Князь! Ваш подчинённый готов смертью искупить вину!

Кун Чжимин был одной из фигур Фу Цзюэчжи.

Пять лет он скрывался рядом с Линь Ши.

В его жилах наполовину текла наньцзянская кровь.

Пусть талант его был выдающимся, пусть статьи поражали учёных академии Ханьлинь, дорогу к государственной службе ему однажды навсегда отсекала фраза:

«Не нашего рода».

Трижды Кун Чжимин подавал в Министерство чинов просьбы о назначении — и каждый раз ответ исчезал как камень, брошенный в море.

Он стоял у ворот ведомства со своими политическими сочинениями в руках и чувствовал лишь полное отчаяние.

Учёный без гроша в кармане.

Тексты, на которые ушла половина жизни, пылились в академии Ханьлинь.

Дачан его не признавал.

Наньцзяну он тоже не был нужен.

Получался какой-то ни к чему не принадлежащий одинокий призрак.

Можно было сказать: хорошо начитанная бродячая собака у дороги.

Фу Цзюэчжи в тот год было всего восемнадцать.

Но именно он бросил Кун Чжимину верёвку, за которую можно было выбраться.

Люди наверху всегда говорят легко, будто ничего не стоит большого труда.

Фу Цзюэчжи прочитал его работы, опустил тёмные глаза и мягко улыбнулся:

— Господину Куну не хотелось бы поработать при управлении столичной стражи? Будете считать тайные наньцзянские счета.

За партией вдовствующей императрицы следили уже давно.

Линь Ши менял высококачественное железо на серебро.

Цуй Юань торговал пограничными картами и собирал вокруг себя сторонников.

И всё ради того, чтобы возвести женщину из дворца Цынин на положение регента, правящего из-за занавеси.

Их волчьи амбиции постепенно пожирали императорский род.

Сам государь исхудал почти до костей.

Страна Дачан была вся в ранах и едва держалась.

Столько лет подготовки — и книга счетов, доказывающая связь с врагом, становилась особенно важной.

Когда князь Гэ Дань привёз в столицу тайные наньцзянские счета, Фу Цзюэчжи использовал собственный день рождения как приманку и сказал лишь одно:

Пора затягивать сеть.

Четырнадцатого дня девятого месяца Кун Чжимин по приказу «предал» своих.

Он вывел заражённых гу коней из Управления императорских конюшен и по приказу Гэ Даня одним ударом прорвал красные ворота резиденции князя Чжэньбэя.

Покушение на императора перевернуло двор вверх дном и дало повод полностью очистить его от скрытых сил.

Путь бегства Гэ Даня был опасным на каждом шагу.

Но ни одна действительно смертельная ошибка так и не случилась — потому что Фу Цзюэчжи заранее позволил этому произойти.

Счётная книга ещё не появилась.

Кун Чжимин должен был войти глубже в тигриное логово и вынести то, что князю было нужно на самом деле.

Исчезновение Чжао Наня оказалось единственной переменной, которой никто не ожидал.

Наньцзянским шпионам внезапно пришло в голову похитить человека.

Кун Чжимин вернулся мыслями к настоящему, сидел у костра и спокойно смотрел на связанного Чжао Наня, не показывая ничего на лице.

Он был связан по рукам и ногам обстоятельствами.

Не мог передать Фу Цзюэчжи ни одного сообщения.

И сам не знал, выйдет ли из этой истории целым.

Но об одном Кун Чжимин думал очень серьёзно.

Он протягивал Чжао Наню одну сухую лепёшку за другой, будто боялся, что тот останется голодным, и тихо уговаривал:

— Ешь своё.

Дождь лил стеной.

Подол длинной одежды Кун Чжимина был весь забрызган грязью.

Он стоял на коленях перед широко открытой дверью спальни, сохраняя идеально прямую спину.

Спрятанную под одеждой счётную книгу он передал Лоу Чжоу.

В глазах мелькнул тонкий блеск. Длинные брови приподнялись.

Кун Чжимин чётко произнёс:

— Княжеский супруг оказался необычайно сообразителен. Благодаря его помощи ваш подчинённый смог исполнить поручение и вернуть князю необходимую вещь.

Небо было серым.

В комнате не зажигали ламп, поэтому внутри тоже царил сумрак.

Кун Чжимин с детства рос, постоянно угадывая настроение окружающих. Как можно было не заметить очевидное?

Отношение Фу Цзюэчжи к Чжао Наню слишком сильно отличалось от его отношения ко всем остальным.

Если подумать глубже, наньцзянский наследник в этой спальне, возможно, был единственным человеком, способным защитить Кун Чжимина от гнева князя Чжэньбэя.

За занавесью пахло успокаивающими благовониями.

Услышав эту фразу, Чжао Нань одним движением сел на постели.

Он посмотрел на счётную книгу, которую перелистывал Фу Цзюэчжи, и ошеломлённо спросил:

— Кун Чжимин — твой человек?

Фу Цзюэчжи опустил брови.

Пальцы, листавшие книгу, на мгновение остановились, затем опустились ниже и подхватили край одежды Чжао Наня, который всё время сползал к раненому колену.

Только после этого князь признал:

— Да.

Чжао Нань резко втянул воздух.

В огромной спальне снова стало тихо.

Фу Цзюэчжи поднял глаза.

Почему-то в груди появилось раздражение.

Очень похожее на то, что мучило его все дни после исчезновения Чжао Наня.

Тогда он не знал, где тот находится и что с ним происходит.

Сейчас не знал, обиделся ли он и не возникли ли у него мысли, которые Фу Цзюэчжи окажется неспособен вынести.

За окном грохотал ливень.

От постоянного шума начала неприятно болеть переносица.

За ширмой было темно.

Фу Цзюэчжи снова стал спокойным и дал обещание:

— Подобного больше не повторится.

— А?

Чжао Нань как раз ушёл мыслями куда-то далеко и неожиданно вернулся в реальность.

Он долго думал, но так и не понял, за что именно Фу Цзюэчжи должен перед ним извиняться.

Еды и одежды — сколько угодно.

Развлекаться ему тоже никто никогда не мешал.

Чжао Нань машинально ответил:

— Ничего страшного.

Всё равно между нами по-настоящему ничего нет.

Он немного виновато почесал подбородок, вдруг что-то вспомнил и сунул голову прямо перед лицом Фу Цзюэчжи.

— Так вот почему Кун Чжимин всё время отдавал мне свои лепёшки.

Чжао Нань вспомнил ещё немного и добавил:

— И кашей сам кормил.

Раньше он думал, что у Кун Чжимина просто что-то не так с головой.

Теперь всё стало понятно.

Фу Цзюэчжи был его начальником.

А Чжао Нань — формально супругом его начальника.

<http://bllate.org/book/19943/1983929>